

У Сун Ицзэ перехватило дыхание.

Он смотрел на юношу, прижатого к его груди настолько близко, что прохладный, с едва ощутимой горчинкой аромат мяты и белого чая плотным куполом накрыл всё вокруг. В ушах Ицзэ отчётливо зазвенело.

Нин Си, решив, что тот его не расслышал, подался выше, вцепившись пальцами в его плечи. Он прижался почти губа к губе и выдохнул:

— Поставь... поставь мне маркировку...

Горячее дыхание обжгло веки Сун Ицзэ. Растрёпанная челка Нин Си щекотала кожу, и от этого прикосновения сердце сладко и болезненно сжималось.

Длинные ресницы Нин Си подрагивали, лишь наполовину скрывая бушевавшие внутри отчаяние и дикую жажду. В его ломком голосе пробивались слёзы:

— Ицзэ... ну пожалуйста...

О чём он вообще говорит?

Сун Ицзэ попытался мягко отстраниться. Хотя голова у него уже шла кругом от этой откровенной провокации, он всё же отвернулся, изо всех сил пытаясь сохранить остатки рассудка:

— Ты сам не свой.

Нин Си совсем потерял контроль под действием феромонов.

Измятая, задрывшаяся на груди футболка обнажала гладкую кожу и тонкие ключицы, залитые всё тем же густым, завораживающим румянцем, от которого невозможно было отвести взгляд.

— Сам ты не свой! Да я, чёрт возьми, соображаю получше твоего... — Нин Си вцепился в его воротник, насильно возвращая отвернувшегося Ицзэ к себе. — Отвечай прямо: да или нет?

Сун Ицзэ молчал, не торопясь уступать.

Нин Си это откровенно разозлило.

За всю жизнь никто не смел ему отказывать, а этот младший братец пренебрегал им уже который раз подряд! С чего вдруг он отвергает его? Подумаешь, какая-то метка! Что за

мелочность?!

Но едва он попытался высказать всё своё возмущение, как вместо гневных угроз изо рта вырвался лишь жалобный, капризный шёпот.

В полутёмной комнате не горел свет, и атмосфера не должна была казаться такой интимной, но мягкие полуденные лучи солнца, проникавшие сквозь занавески, окутывали двух юношей тёплым янтарным ореолом, размывая границы и окончательно лишая разума.

Ицзэ услышал, как в голосе Нин Си сдавленно прозвучало:

— Сун Ицзэ, мне так плохо... Помоги мне...

Сун Ицзэ почувствовал, что окончательно теряет контроль.

Честно, за всю свою жизнь он ни разу не встречал подобных Омег.

Сдерживаемое юношеское желание отозвалось в его груди глухим, хриплым вздохом. В горле словно застрял раскалённый ком.

Он подался вперёд и прижался своим лбом к лбу Нин Си, а длинные, точёные пальцы скользнули в его волосы, ласково обняв затылок.

— Когда дурман спадёт, ты будешь жалеть, — тихо проговорил Ицзэ.

— Не буду, — Нин Си ткнулся носом в его ладонь, и ощущение этого тепла в самом центре ладони мгновенно превратилось в обжигающий огонь. В его голосе проскользнула ленивая нотка: — А пожалею — сам буду отвечать...

Эта единственная фраза окончательно сорвала задвижку на выжженной пустыне желаний Сун Ицзэ.

Внутри вспыхнула лёгкая злость.

Вот же невыносимый Омега! «Сам буду отвечать»...

Никакой логики, никакого здравого смысла, никаких правил.

Даже сейчас дерзит, словно ему всё нипочём — такой же беспечный и сияющий, как на финише трёхкилометрового кросса, когда он привычно купался в лучах славы и аплодисментах.

Какой же ты настоящий, а, Нин Си?

— Хорошо. Но один ты за это отвечать не будешь.

Не давая ему времени передумать, Сун Ицзэ оттянул ворот его футболки, обнажая белоснежную шею и чувствительную железу феромонов.

Нин Си вздрогнул всем телом. О том, что маркировка потребует оголить плечи, его никто не предупреждал!

Тяжёлые, давящие феромоны Альфы — смесь властной силы и страстного желания — волной обрушились на Нин Си. В них не осталось и капли прежней сдержанности.

Нин Си встретил его взгляд — тёмный, хищный, не суливший пощады.

В следующее мгновение это горячее дыхание скользнуло по его плечу, коснулось шеи и безошибочно прижалось прямо к железе феромонов.

Мощный поток альфа-гормонов мгновенно затопил всё существо Нин Си.

Он невольно сжался, не смея поднять головы, но когда губы Сун Ицзэ накрыли чувствительную точку, Нин Си выгнулся и с новой силой впился пальцами в его широкую спину.

— Не... нельзя... — только сейчас осознав, что на самом деле означает процесс маркировки, Нин Си понял, что не способен вынести такой ураган чувств.

Его глаза затуманились, волосы на лбу растрепались ещё сильнее, а в уголках глаз расцвёл алый, невероятно соблазнительный румянец.

Однако этот слабый протест лишь сильнее распалил инстинкт завоевателя в Альфе.

Сун Ицзэ одной рукой властно обнял Нин Си за талию, а пальцы другой запустил в его волосы, надёжно фиксируя затылок, чтобы тот не дёргался.

Он медленно, толчок за толчком, стал впрыскивать свои феромоны в его железу феромонов. Горячие губы, прижатые к прежде прохладной коже на шее, казались раскалённым железом.

— Ш-ш... как больно... — Голос Нин Си ослаб, превратившись в невольное, обжигающее кокетство. — Ну хватит, хватит... мне уже лучше...

Он попытался слабо стукнуть Сун Ицзэ кулаком по спине, умоляя отпустить.

Но Сун Ицзэ и сам не понимал, какая упрямая гордость в нём взыграла: чем сильнее Нин Си вырывался, тем меньше ему хотелось разжимать объятия.

— Слушай, а в медкабинете сейчас есть кто-нибудь? — неожиданно снаружи донеслись чьи-то шаги и голоса.

Нин Си замер, судорожно вскинув подбородок. Впитывая жар их сплетённых тел, он в ужасе прошептал:

— Та-там... кто-то идёт!

Сун Ицзэ словно оглох. Он продолжал сжимать губами его железу феромонов и даже чуть сильнее прикусил её, безмолвно приказывая сидеть тихо и сосредоточиться на происходящем.

Сквозь тонкую ткань одежды отчётливо ощущалось каждое прикосновение и трепет кожи.

— Отпусти... они сейчас войдут... — Нин Си охватила настоящая паника. Его глаза покраснели ещё сильнее, в них застыли испуг и обида, отчего он выглядел ещё более трогательным и незащищённым.

Как бы слаб он ни был, Нин Си во что бы то ни стало решил вырваться и остановить Сун Ицзэ.

Но не успел он даже дёрнуться, как Сун Ицзэ метнулся рукой вперёд и напроць зажал ему рот ладонью.

«!»

Широкая, длиннопалая ладонь Ицзэ накрыла пол-лица Нин Си. Невыразимая, безумная интимность этого жеста вместе с жаром тел взлетела до предела. В ушах Нин Си оглушительно заколотилось сердце — казалось, барабанные перепонки вот-вот лопнут.

Каждое нервное окончание превратилось в оголённый провод: любой шорох мог вызвать взрыв.

Этот младший братец совсем с ума сошёл?!

Что будет, если сейчас кто-то зайдёт?!

Нин Си широко раскрыл глаза, в страхе уставившись на плотно закрытую дверь медкабинета.

Сердце бешено колотилось о рёбра.

Всё его тело горело огнём, а из-под ладони Альфы виднелись лишь пылающие щёки и влажные, полные слёз глаза.

— Может, там кто-то есть? Давай глянем.

Нет, пожалуйста, не надо!

— Ну да, там кондиционер работает, как раз охладимся.

Стойте, стойте, стойте!

Губы Нин Си двигались, упираясь в сухую ладонь Ицзэ, он пытался подать ему знак, чтобы тот немедленно пришёл в себя.

От страха он крепко зажмурился.

Щёлк-щёлк-щёлк. Дверная ручка дёрнулась, но замок не поддался.

— Эй, а почему закрыто? Разве медкабинет запирают?

— Наверное, врач ушёл обедать. Эх, блин, пролетели мы с кондиционером.

А?..

Шаги и голоса за дверью постепенно стихли.

В голове у Нин Си образовалась звенящая пустота, и только сейчас отчаянно бившееся сердце немного успокоилось.

Но следом накатила волна злости: да как этот паршивец Сун Ицзэ посмел так над ним подшутить?!

Вливающиеся феромоны постепенно возвращали Нин Си ясность мыслей. И хотя в голове всё ещё перекачивалась каша, он прекрасно понимал, что прямо сейчас обязан разозлиться.

Знает этот мелкий хоть какую-то меру?! Решил его тут задушить, что ли?!

Нин Си кончиком языка провел по центру ладони Ицзэ, слегка лизнув её.

Сун Ицзэ вздрогнул. Что этот Омега вытворяет? Неужели нельзя просто сидеть спокойно?!

Однако выпускать его он всё равно не собирался. Напротив, он слегка щипнул Нин Си за мягкий бок на талии, отчего тот мелкой дрожью содрогнулся и невольно прижался к нему ещё ближе.

Только когда последняя капля феромонов окончательно растворилась в чужом организме, Сун Ицзэ наконец отнял ладонь от его лица.

Воздух в комнате был пропитан сладостным, пьянящим ароматом завершённого соития.

— Всё, — проговорил Сун Ицзэ, заглядывая ему в глаза. — Жалеешь?

Нин Си, хоть и был весь пунцовый, а дыхание его прерывалось сбивчивыми вдохами, упрямо выдавил:

— Ни капли. Я же сказал — отвечать за это в одиночку я не намерен.

Сун Ицзэ не сдержал короткого смешка.

Он задержался губами у железы феромонов Нин Си еще на секунду, касаясь её едва ощутимым, невесомым поцелуем.

Своеобразная награда для стихшего, покорившегося зверька.

— Дорогие прыгуны в высоту! Выше, выше и еще выше! Непрестанно совершенствоваться, превосходить себя и окружающих, устанавливать новые рекорды — вот высшая цель каждого атлета!

— Тонкая планка, замёршая в воздухе перед вами — это ваш главный вызов! Без преодоления трудностей не бывает радости победы! Шаг за шагом, взлёт за взлётом — вперёд, одолейте эту преграду!

Послеполуденное солнце заливало стадион слепящим светом, атмосфера на спортивной площадке накалилась до предела.

Ученики размахивали флагами, щёлкали затворами камер и кричали в мегафоны, подбадривая участников.

Во второй половине дня наибольшее скопление народа образовалось у сектора для прыжков в высоту среди юношей третьего года обучения.

Площадку обступили в несколько рядов. Кто-то пустил слух, будто в этих соревнованиях участвует сам Нин Си — тот самый, который утренним забегом на три тысячи метров покориł всю школу.

Однако спортсмен, приковавший к себе всеобщее внимание, благополучно опаздывал.

— Виноват, виноват! — Нин Си пробрался сквозь толпу, одаривая сотни уставленных на него глаз виноватой, белозубой улыбкой. — Простите за задержку!

— Ничего страшного, я предупредил судью, и он перенёс твою попытку в самый конец списка, — к нему тут же подскочил Ху Янцай, отвечавший за организацию от своего класса. — Давай сюда полотенце, я подержу. Можешь идти на регистрацию.

— Ага, спасибо, — Нин Си снял с шеи махровое полотенце и протянул его Ху Янцаю.

— Удачи на турнире, Нин Си! Я уверен, ты у нас самый... Стой-стой-стой, а ну вернись!

Нин Си успел сделать лишь пару шагов и недоумённо обернулся:

— Что такое?

— Ты... ты! — Ху Янцай вцепился в его рукав и судорожно потянул на себя. — Вы чем там в обед занимались?!

— А? — Нин Си посмотрел на себя, но ничего необычного не заметил.

— Следы от зубов! Прямо на твоей железе феромонов! — Ху Янцай наклонился к самому его уху и сдавленным, паническим шёпотом вылил: — Другого времени не нашли, что ли?! Неужели Бог Цзэ не мог потерпеть хотя бы до вечера?!